

Именно древнегреческие скульпторы поднялись впервые до этого синтеза:

«Природа, однако, и строение самых прекрасных тел редко бывают без недостатков, и в нем встречаются формы или части, которые в более совершенном виде можно найти или представить себе в каком-либо другом теле. На основе этого опыта эти мудрые художники поступали подобно искусному садовнику, прививающему к одному стволу черенки разных благородных пород; и подобно тому как пчела собирает мед со многих цветов, так и у греческих художников понятия о красоте не ограничивались только индивидуальными ее проявлениями, как это иногда бывает у древних и новейших поэтов и у большинства современных художников; они стремились, напротив, объединить в одно целое прекрасные части многих прекрасных тел. Они устранили из своих произведений всякие проявления личного вкуса, отвращающего наш ум от истинно прекрасного».¹⁹

Краткое сочинение «О рисунке» Голицын начинает с оценки роли Дедала, имеющей аналог в «Истории искусства древности» Винкельмана и восходящей в конечном счете к Павсанию.²⁰ Переходя к общему описанию последующих достижений древнегреческого искусства, Голицын излагает свои представления о прекрасном, которые, как две капли воды, схожи с рекомендациями Винкельмана:

«Тогда красота не была уже более подданна простому подражанию, никогда до совершенства оригинала не доходящего. Дабы копия могла равное действие произвести, должно ей некоторые преимущества над моделями дать. И так художники, приметя, что натура весьма скупко совершенствами своими нас одаряет, что ее дары в разных частях тела рассеяны, воспользовались оным разделением, соединили в одном предмете все рассеянные оные красоты и из недостаточного подражания достигнули до красоты единственно мнением нашим изображающим.

Разные модели служили греческим живописцам для сочинения одной фигуры. В оную употребляли они стан Фринейн, грудь Файсову, лицо Глисерино и пр. Воображение их набогащалось, а вкус процветал беспрепятственным зрением на красоту, и хотя они подражателями были, что касается до разных частей, соединению всех оных были они, однако ж, вымышленники. И действительно, естли посмотрим мы, сколько должно иметь вкусу и рассуждения в соединении сих разных частей таким образом, чтоб оно произвело сочинение с натурою сходственное и нам милое, работе их довольно чести невозможно воздать.

Древние авторы и поэты признали превосходность мнимой красоты над натурою».²¹

Неразработанность искусствоведческой терминологии в русском языке XVIII столетия побудила Голицына сделать к выражению «мнимая красота» следующее пояснение: «Разуму нашему воображающей. Beauté idéale». Это примечание проливает свет и на то, что имелось в виду под «мнением изображающим» — Голицын (или его переводчик) мучительно

¹⁹ Там же. С. 288.

²⁰ *Winckelmann J. J. Geschichte der Kunst des Alterthums. S. 7.*

²¹ РГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 1, № 368, л. 1–1 об.